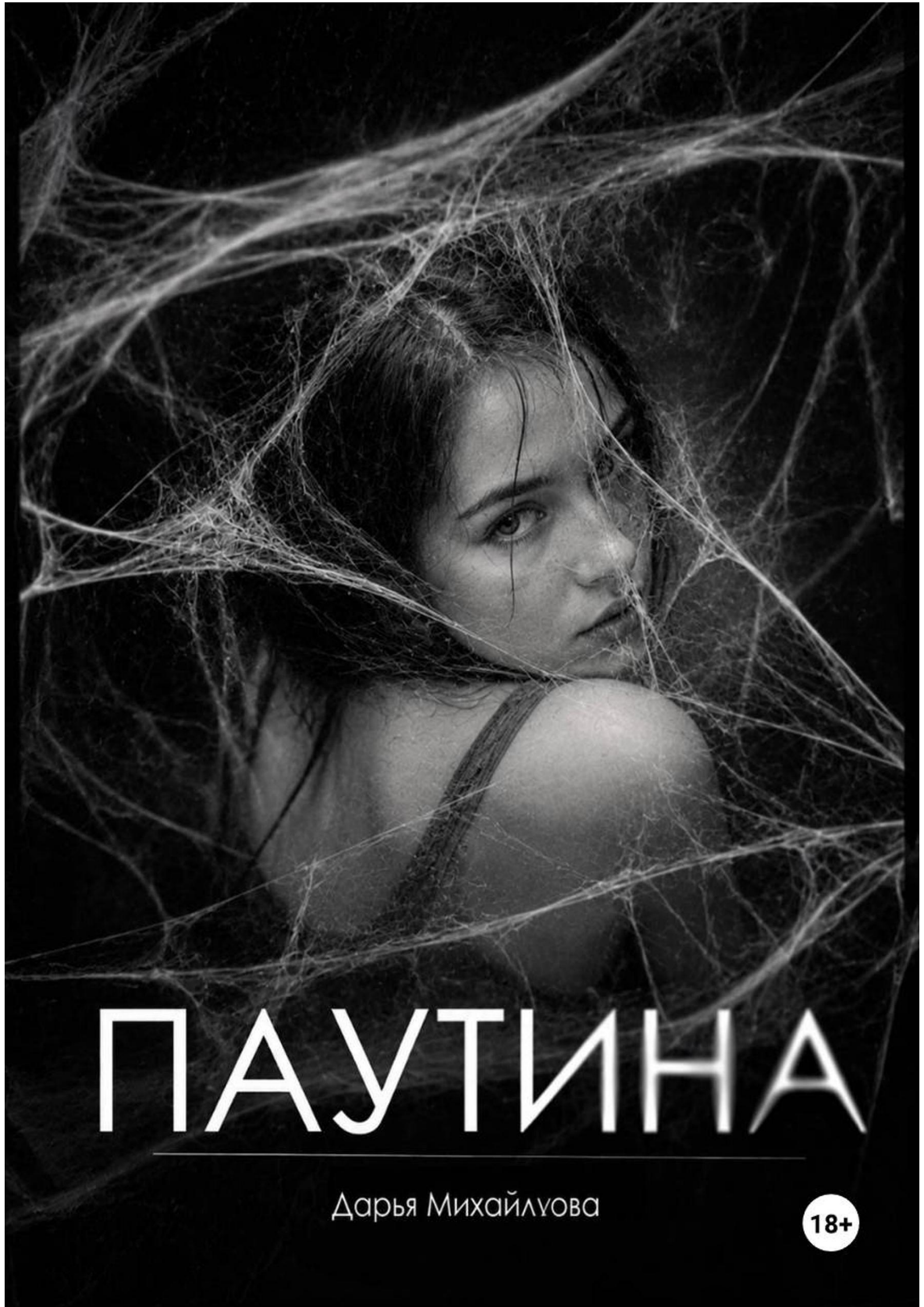




ПАУТИНА

Дарья Михайлуова

18+

Дарья Михайлусова

Паутина

«Автор»

2026

Михайлукова Д.

Паутина / Д. Михайлукова — «Автор», 2026

Иногда достаточно одной встречи, чтобы привычная жизнь перестала принадлежать только тебе. Сначала это выглядят как случайности — слишком точные, слишком выверенные, слишком вовремя. Но постепенно они складываются в узор, который невозможно развидеть. Как будто кто-то незаметно вплетает её жизнь в чужую систему. Она ещё не знает, где начинается этот узел. Но уже чувствует, как затягивается «Паутина» — тихо, аккуратно, без права на обратный шаг. И самое опасное в ней не то, что в неё попадают. А то, что момент, когда это произошло, всегда становится очевиден слишком поздно.

© Михайлукова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дарья Михайлусова

Паутина

Глава 1

Тусклый свет лампочки, будто уставшей от собственной работы, дрожал и едва пробивался сквозь пыльный плафон, выхватывая из полумрака небольшую коморку. Она была заставлена крупными картонными коробками — они стояли неровно, словно молчаливые стражи чьей-то спешной жизни. На крючках висели пакеты с забытой грязной обувью и помятая брендирующая униформа: ткань давно потеряла форму, а логотип поблёк, будто стыдился напоминать о себе.

Рая стянула с себя огромную коричневую футболку с изображением кофейного зёрнышка и расписной надписью «Кофе и десерт». Потёртая ткань топорщилась, и футболка выглядела на ней нелепо — как грубый джутовый мешок, наброшенный на тонкую сосну. Оставаясь в старом застиранном белом бюстгальтере, который уже ощутимо жал в груди, она резким движением сдёрнула с пшеничных волос тугую резинку. Волосы рассыпались по конопатым хрупким плечам, тяжёлые от рабочего дня, будто впитавшие в себя запах кофе, выпечки и бесконечных заказов.

— Ты завтра с утра? — прокричал за дверью тонкий женский голос, звонкий, как натянутая струна.

Рая замерла, поймав себя на том, что уже почти минуту просто смотрит в серую облупленную стену. В этой неподвижности было что-то отчаянное — словно она пыталась выцедить из пустоты хоть каплю сил. Звонкий вопрос выдернул её обратно в реальность.

— Нет! Выходная! — выпалила она поспешно, и в этом «нет» прозвучало столько облегчения, что оно почти звенело.

— Счастливая...

Рая сняла с вешалки голубую хлопковую рубашку — ткань была мягкой, давно привыкшей к рукам, и от неё слабо пахло стиральным порошком и чем-то домашним, почти забытым.

— Очень. Спустя неделю без выходных — очень счастливая, — проговорила она, и голос её звучал чуть тише, будто она боялась спугнуть это чувство.

За дверью прозвучало уточняющее «Что?», но Рая не стала отвечать. Пусть коллега додумывает сама.

Проверив всё перед закрытием, Рая выдохнула — будто выпустила наружу весь воздух, который держала в себе весь день. Она провернула ключ в замке, и этот сухой металлический щелчок прозвучал как маленькая победа.

На улице уже заметно потемнело. Проезжающие мимо автомобили поднимали ветер, и он порывами набрасывался на город, трепал запутанные русые локоны. Рая тонкими пальцами с ярко-красными ногтями собирала непослушные волосы за ухо — движение было резким, почти сердитым, как будто она хотела укротить этот вечер.

Лето осталось позади, и вечерами становилось гораздо холоднее. С каждым днём морской ветер набирал силу, становился злее, напористее. Октябрь уже дышал в затылок, обещая сезон норд-оста — время, когда курортная суета растворится в сером воздухе, а улицы станут тише и равнодушнее.

До дома идти не больше десяти минут, но после восьмичасовой смены эти десять минут казались целой вечностью. Изредка на пути появлялись прохожие — тени в полумраке, скорее всего, такие же работяги, как и Рая. Они не торопились, шли размеренно, будто боялись расплескать ту хрупкую усталость, которая сейчас была их единственной спутницей.

Перебегая пустую трассу на красный свет светофора, Рая ярко почувствовала тяжкую свинцовую усталость в ногах — будто каждая мышца налилась густым холодом и теперь сопротивлялась каждому шагу. Город вокруг будто приглушил краски: фонари светили тускло, асфальт казался тёмно-серым, почти чёрным, а воздух — влажным и тяжёлым, словно перед дождём.

Перед глазами она уже видела свой любимый сериал: уютный кадр, знакомый сюжет, который не нужно разгадывать, в котором можно просто раствориться. Нос будто и правда вспоминал тёплый, смолистый запах любимой свечи с ароматом кедра — тот самый, что оседает в комнате плотным, спокойным облаком и будто ставит невидимую преграду между ней и всем дневным шумом. А в ушах уже звучало ровное, убаюкивающее журчание горячей воды, льющейся из крана в ванну, — этот звук сейчас казался ей почти музыкой, обещанием, что скоро всё напряжение стечёт вместе с водой, оставив после себя только мягкую, тёплую пустоту.

Рая на секунду замерла посреди дороги, будто проверяя, реальны ли эти картины или они уже смешались с усталостью и стали миражом. Светофор мигнул, время истекало, но ей вдруг захотелось просто постоять и поддержать эти образы чуть дольше — как будто, если она удержит их в голове, дом станет ближе, а усталость — чуть легче. Потом она резко выдохнула, стряхнула наваждение и побежала дальше, чувствуя, как холодный ветер цепляется за края одежды, напоминая, что реальность пока не готова её отпустить.

Когда Рая начала подходить к своему двору — к этому лабиринту бесконечных «человейников», чьи одинаковые балконы и окна сливались в одну серую стену, — тишину улицы вдруг разорвал резкий, пронзительный звонок. Звук ударил по нервам, будто кто-то нарочно выбрал самый раздражающий рингтон, чтобы вытряхнуть её из полусонного оцепенения.

Она достала мобильный из заднего кармана джинсов и недоуменно приподняла бровь — так высоко, что на лбу прорезалась тонкая морщинка.

— Я иду домой. Что ты хотел?

— Рая! — пропел парень настолько громко, что пришлось отпрянуть от динамика, будто телефон вдруг стал источником опасного напряжения. — Ты с работы?

В голове у Раи мгновенно всплыл образ: глупое, восторженное выражение лица блондина с веснушками, рассыпавшимися по всему лицу, словно кто-то небрежно стряхнул на него горсть корицы. Почему-то в её мыслях он был в образе Буратино — сидел на деревянной скамейке, забавно болтал ногами и широко размахивал руками, будто пытался удержать равновесие на невидимом канате.

— Я просто такое сегодня узнал! Неважно, сколько ты отработала, неважно, как ты устала. Но если ты узнаешь это, ты не уснёшь!

У вымышленного Буратино начал расти нос — длинный, нелепый, почти театральный. Рая едва сдержала смех, но усталость тут же придавила его, не дав вырваться наружу.

— Юра, я захожу в подъезд. Пропадает связь, — проговорила она, уже поднимаясь по ступенькам к коричневой металлической двери, и на ходу шарила рукой в сумке в поисках ключей — пальцы цеплялись за мелочь, скомканный чек, какие-то бумажки, но никак не могли нащупать холодное ребро ключа.

Подняв взгляд, она заметила, что дверь подпёрта серым кирпичом — грубым, шершавым, будто его подобрали прямо на стройплощадке. Этот кирпич выглядел здесь чужеродно, как деталь из другого мира, случайно попавшая в привычный пейзаж.

Рая машинально оглянулась по сторонам, и взгляд её зацепился за чёрный автомобиль, стоявший чуть в стороне. Из приоткрытых окон сочился тусклый жёлтый свет, а мотор тихо, монотонно журчал, будто мурлыкал во сне. Багажник был открыт, и на асфальте рядом лежала куча пакетов и коробок — они громоздились неровной кучей, словно кто-то в спешке пытался унести с собой целую жизнь.

Рая поднялась по лестнице — ступени были чуть скользкими, будто их протирали раз в месяц, а перила отдавали холодной сыростью и едва уловимым запахом старой краски. Подъезд пах типично для многоэтажки: пылью, чуть подгнившим деревом и чем-то неуловимо бытовым, вроде вчерашнего супа из чьей-то кастрюли. На стенах — роспись из тех времён, когда жильцы ещё пытались сделать дом уютнее: выцветшие цветы, наивные птицы, местами перечёркнутые чьей-то шальной рукой. Краска пузырилась и шелушилась, открывая слои прошлых ремонтов — будто сам подъезд хранил историю всех, кто здесь жил.

Старый лифт стоял на первом этаже с приоткрытой дверью, будто уснул посреди смены: внутри пахло металлом и дешёвым освежителем, который не справлялся с запахами подъезда. Рая даже не стала нажимать кнопку — после восьмичасовой смены лишний раз заходить в эту железную коробку казалось почти жестокостью.

На её этаже пахло чуть иначе — тут уже проступали домашние запахи: жареная картошка, духи с тяжёлыми нотами, старая мебель. И ещё — картоном и упаковочной плёнкой. Рая замерла на площадке, заметив у двери соседней квартиры напротив те самые коробки — такие же, как у чёрного автомобиля во дворе. Стояли неровно, будто их кидали впопыхах, и на одной виднелся размашистый штрих-код.

«Кто-то решил заехать в такой не очень перспективный дом», — мелькнула мысль, лёгкая и отстранённая, будто чужой сюжет, к которому она не имеет отношения. Ей даже стало немного жаль этого невидимого новосёла: в этом подъезде всё будто сопротивлялось переменам, держалось за привычную серость. А постоянное отсутствие воды и перебои с электричеством — отдельная боль.

Дверь той квартиры была приоткрыта, и из щели тянулась узкая полоса тёплого света, а сквозь неё пробивался негромкий, тягучий голос «Агаты Кристи» — будто кто-то пытался добавить уюта в этот серый вечер, но музыка лишь подчёркивала, насколько всё вокруг чужое и временное.

Рая достала ключ, пальцы наконец-то нащупали холодный металл, и дверь щёлкнула, поддаваясь с привычным скрипом. Рая шагнула внутрь, ожидая тишины, запаха квартиры, своего маленького убежища — и вдруг увидела Юру.

Он сидел за кухонным столом, будто так и было задумано, будто он тут всегда сидел. Свет из коридора лёг на его светлые волосы, высветив в них соломенные пряди. Его длинный нос с горбинкой, усыпанный веснушками, забавно выделялся на фоне всей этой худобы — казалось, он сам немного стесняется этого носа, потому и наклоняется вперёд, будто хочет его спрятать. На нём был растянутый полосатый свитер: полоски давным-давно потеряли чёткость, местами ткань истончилась, и свитер сидел на нём как уютный, но слегка нелепый панцирь.

Перед ним — коробка пиццы, крышка приоткрыта, и тёплый пряный запах сразу заполнил комнату, перебивая подъездную сырость. Рядом — четыре бутылки «Короны» с небрежно сдвинутыми этикетками, будто он расставлял их, думая над композицией, а потом махнул рукой: «И так сойдёт».

Юра поднял глаза, улыбнулся той самой широкой, немного глупой улыбкой, от которой сразу становилось легче дышать, и махнул рукой так энергично, что чуть не смахнул одну бутылку:

— Ну наконец-то! Я думал, ты вообще не придёшь. Пицца ещё тёплая, а пиво... ну, пиво всегда вовремя. А если вдруг захочешь драмы — у меня есть теория, почему у этого дома такая странная акустика. Я полчаса слушал, как на втором этаже кто-то двигает шкаф, и понял: это заговор!

Рая на секунду застыла в дверях, не зная, злиться ей, смеяться или просто упасть на стул. Усталость всё ещё тянула вниз, свинцовой тяжестью оседая в ногах, но в этой нелепой картине — в Юре, в пицце, в этих бутылках, будто принесённых как трофей, — было что-то такое, что заставляло уголки губ дрогнуть.

Она медленно стянула куртку, бросила её на спинку стула, потом всё-таки села, прислонившись спиной к двери, будто это была единственная опора, которая не давала ей сползти на пол. Взяла кусок пиццы, откусила — горячий, солёный, с чуть подгоревшим сыром, и этот простой вкус вдруг стал чем-то вроде маленького спасения. Только после этого она выдохнула и тихо спросила:

— Так что там обсудить?

Юра расплылся в своей хитрой тонкой улыбке, будто держал в руках главный секрет вселенной и вот-вот был готов его выдать.

— Мне птички нашептали, что наша всеми известная Екатерина... — Юра притих и загадочно наклонил голову, понизив голос до шёпота, хотя в квартире никого, кроме них, не было. — Не просто так стала самым перспективным и примерным сотрудником.

Рая заинтересованно вытянула губы в трубочку, и в груди впервые за день шевельнулось что-то похожее на любопытство.

— Да ладно... — протянула она, откусывая ещё кусок. — И что же там?

— Говорят, она по ночам... — Юра сделал театральную паузу, наклонился чуть ближе и прошептал: — ...репетирует свои отчёты перед зеркалом в полной тишине. Причём в костюме, даже если дома жара. И не просто репетирует, а с интонациями, как в театре.

Рая сначала нахмурилась, будто пыталась понять, всерьёз он это говорит или нет, а потом не выдержала и фыркнула. Звук получился неожиданно громким в тихой кухне, и она тут же прикрыла рот ладонью, будто испугалась, что кто-то услышит её смех. Но смех всё равно прорвался, тихий, немного хриплый от усталости, но настоящий.

— Ты это серьёзно? — спросила она, уже улыбаясь. — Репетирует отчёты?

— Абсолютно! — Юра поднял руку, будто давал клятву. — Я сам слышал, как она в переговорке бормотала: «Стратегия развития отдела...», и при этом делала такие паузы, будто за ними скрывается судьба мира.

Рая покачала головой, но улыбка не сходила с лица.

— Это настолько нелепо, что даже гениально.

— Вот! — радостно подхватил Юра. — А я тебе о чём. Иногда, чтобы выжить в этом общепите, нужно просто знать, что ты не самый странный.

Они ещё немного посмеялись, и с каждым смешком усталость будто оседала где-то у порога, не решаясь зайти дальше. Рая доела кусок, потянулась за вторым, а Юра открыл одну бутылку и протянул ей.

— За то, чтобы завтра было легче, — сказал он, приподнимая свою бутылку.

— За это точно, — тихо согласилась Рая, и в этот момент ей действительно показалось, что завтра и правда будет легче.

За окном продолжал дуть ветер, октябрь дышал в затылок, коробки у соседней двери молчаливо обещали перемены, а из приоткрытой двери по-прежнему сочилась полоса света и тихо звучала «Агата Кристи». Но прямо сейчас, в этой кухне, пахнущей пиццей, старым свитером и чуть-чуть надеждой, всё казалось не таким уж страшным.

Рая встала, потянулась так, что хрустнули плечи, и, не глядя на Юру, начала стягивать рубашку.

— Если я сейчас не вылезу из этой одежды, я её сожгу, — буркнула она, скидывая ткань на стул. Под ней был тот же белый изношенный бюстгальтер.

Она потянулась к шкафу, достала любимую толстовку с выцветшим принтом — когда-то на нём был какой-то герой из старого мультфильма, но теперь лицо стёрлось, и он стал похож на абстрактное пятно. Надела её, глубоко вдохнула запах порошка и дома — и будто сразу стала на пять килограммов легче. Сменила, уже прилипшие к ногам, темно-синие джинсы на широкие спортивные шорты.

— Ну, рассказывай, — Юра старался смотреть куда угодно, только не на неё: на коробку из-под пиццы, на этикетку бутылки, на трещину в углу потолка. Пальцы его нервно теребили край этикетки, отдирая её по миллиметру. — Как день?

Рая махнула рукой, будто отмахивалась от роя мух.

— День как день. Сначала гость сказал, что капучино «слишком кофейный», потом сломалась кофемашина, а следом пришел мастер. И всё это до обеда. После обеда было проще: просто бесконечный поток людей, заказов. В какой-то момент я смотрела на человека и думала: «Я не помню, как тебя зовут, но я помню, что ты пьёшь латте с корицей».

Юра хмыкнул, наконец позволил себе коротко глянуть на неё и тут же снова уставился на бутылку.

— Звучит как суперспособность.

— Ага.

Она села обратно, подогнула ноги, укуталась в толстовку, как в плед, и продолжила, уже спокойнее, будто слова, выложенные на стол, забирали у дня часть его тяжести:

— А под конец ещё эта гостя... Она сорок минут выбирала десерт. Сорок минут. Я стояла и думала: «Пожалуйста, выбери хоть что-нибудь, я хочу домой». И знаешь, что она взяла? Ничего. Сказала, что передумала.

Юра не выдержал и фыркнул, а потом, не сдержавшись, расхохотался — тихо, но так заразительно, что Рая тоже улыбнулась.

— Это не смешно! — но голос у неё уже не был строгим. — Это трагедия.

— Это трагедия, — серьёзно кивнул Юра, но глаза у него смеялись. — Надо высечь на камне: «Здесь Рая потеряла сорок минут жизни».

Рая закатила глаза, но в груди стало теплее — не от толстовки, а от того, как легко он превращал её усталость в историю, которую можно рассказать и над которой можно посмеяться.

Она помолчала, поёрзала, устраиваясь удобнее, и вдруг вспомнила:

— Кстати, напротив кто-то заехал. Коробки у двери, дверь приоткрыта, в квартире горит свет... И там «Агата Кристи» играет.

Юра тут же оживился, будто только и ждал повода сменить тему и заодно перестать смущённо теребить этикетку. Он даже выпрямился, и смущение как будто отступило на шаг, уступив место привычному озорству.

— Агата Кристи? В такой квартире? Слушай, это классика. Я ставлю на то, что это какой-нибудь бывший рокер, который двадцать лет жил в гараже, а теперь решил «осесть». И вот он стоит среди коробок, слушает «Опиум для никого» и думает: «Ну вот, я взрослый, у меня своя квартира».

Рая хихикнула.

— Или преподаватель философии, который решил, что только так он сможет сохранить связь с молодостью.

— Или тайный агент, который специально включает «Агату Кристи», чтобы сбить с толку соседей. Типа: «Пусть думают, что я просто ностальгирую, а не планирую переворот».

Рая смеялась уже открыто, откинувшись на спинку стула, и впервые за день чувствовала, что плечи не стянуты этой невидимой проволокой, которая весь день держала её в напряжении.

— Ты всегда всё усложняешь, — сказала она, качая головой, но в голосе не было упрёка.

— Я упрощаю, — возразил Юра с серьёзным видом. — Я беру скучную реальность и делаю её интереснее. Вот смотри: обычный переезд. Скучно. А переезд под «Агату Кристи»? Это уже сюжет. Может, он там сокровища прячет в коробках. Или... говорящего попугая.

Рая фыркнула.

— Говорящего попугая, который цитирует «Агату Кристи».

— Вот! Ты уже в игре.

Они ещё немного пофантазировали, накидывая друг другу всё более нелепые версии: то это был секретный шеф-повар, который переехал, чтобы открыть тайную пельменную, то бывший каскадёр, который теперь будет тренировать трюки на лестничной клетке. С каждым новым вариантом становилось тише внутри, а мир за окном — чуть менее пугающим.

Потом Рая зевнула, широко и неприлично, прикрыв рот ладонью.

— Ладно, хватит. Иначе я усну прямо тут, на стуле.

Юра сразу стал чуть серьёзнее, но улыбка никуда не делась.

— Тогда давай я тут всё приберу. Ты иди... ну, в ванну, или просто полежи. А я посижу, посторожу, чтобы никто не ворвался с очередным вопросом «почему у вас капучино такой кофейный?».

Рая посмотрела на него, и в этом взгляде было столько тихой благодарности, что Юра даже немного смутился и снова уставился на бутылку, будто она была самым интересным объектом во вселенной.

— Спасибо, — просто сказала Рая.

— Это моя суперспособность, — подмигнул он, уже без прежней неловкости. — Помнишь, в детстве мы говорили, что не хотим взрослеть. А теперь я сижу тут с пиццей и «Коронной» и думаю: ну, хотя бы пиво продают.

Рая улыбнулась, встала, потянулась и, уже уходя в коридор, бросила через плечо:

— Не разнеси тут ничего. И... если услышишь, как сосед репетирует речь перед зеркалом — не стучи.

Юра рассмеялся, откинулся на стуле, взял бутылку и тихо проговорил, будто самому себе:

— Договорились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.